

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова
358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

Инженер-исследователь научной лаборатории «Комплексные буддологические исследования»

Аспирант кафедры философии и культурологии

ORCID: 0000-0003-3553-9754

E-mail: baina.erdnieva@icloud.com

КУЛЬТУРНЫЕ МИФЫ ОЙРАТОВ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ *

В статье исследуется трансформация мифов ойратской культуры о «кочевнике-воине» в миф о «переселенце-искателе справедливости», воспроизводимых культурой современных наследников ойратов – калмыков и являющихся частью национальной идентичности калмыцкого этноса. Осмысление жизни калмыцкого этноса сквозь призму исторических событий, напрямую повлиявших на образ народа, его культуру и пережитый опыт, позволяет выделить периоды, обладающих конституирующим влиянием в формировании этнокультурной и региональной идентичности калмыков: 1) период, предваряющий поселение ойратов на территории европейской части России (до XVII в.); 2) период освоения нового оседлого образа жизни в условиях Калмыцкого ханства во второй половине XVII–XIX вв.; 3) депортация калмыцкого народа в Сибирь и Среднюю Азию в 1943 г. с последующими реабилитацией и возвращением в 1957 г.; 4) период восстановления этноса, включая реконструкцию культуры; 5) современный период.

В рамках настоящего исследования были рассмотрены основополагающие феномены культуры калмыцкого этноса (религиозные установки, фольклорные образы, традиционный уклад жизни) в течение выделенных периодов, позволившие выдвинуть гипотезу о центральном мифе калмыцкой культуры и его трансформациях:

- 1) Первый этап ойратской культуры соответствовал главенству мифа «Воин-кочевник»;
- 2) Вторым этапом, берущим свое начало с таких определяющих событий как принятие буддизма в качестве религии и основание национальной государственности, ознаменовал смену культурной парадигмы, заключающейся в переходах от культа Тен-

гри к буддизму, от миграции к оседлости, от Востока к Европе и продемонстрировал первую трансформацию мифа «Воин-кочевник» в миф «Оседлый хранитель границ».

3) Третий этап реализовался в момент столкновения калмыцкого народа с депортацией и её катастрофическими последствиями на излете Великой Отечественной Войны: значительное сокращение численности, психологический надлом и, как следствие, кризис культурного наследия и собственной идентичности привели к новой модификации калмыцкого мифа в форме «Воина-изгнанника».

4) Четвертый этап охватывает период, начиная с репатриации и по настоящее время. Возвращение калмыков после реабилитации властью во второй половине XX в. привело к реконструкции мифа об «Оседлом труженике-животновод».

5) Пятый этап частично параллелен четвертому и включает в себя современность. В новых условиях калмыки оказываются на распутье: продолжить воспроизведение мифа четвертого этапа или же создать собственный. Появляется миф о «Переселенце-искателе справедливости».

Ключевые слова: культурный миф, культурный код, справедливость, ойраты, калмыки, буддизм, кочевники, этнокультурная идентичность калмыков, региональное самосознание калмыков.

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№075-03-2022-119/1 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

В периоды кризиса человек обращается к тому, что составляет его незыблемую опору: осознание того, кем человек является, какому народу принадлежит, как его предки пережили выпавшие на их долю переломные моменты истории. Опора на культурную память составляет естественный жизненный ресурс и для калмыцкого этноса, известного как единственный народ, исповедующий буддизм в европейской части России. В сочетании факторов территориального проживания, религиозной и этнической принадлежности усматривается специфика регионального самосознания современных калмыков, а также их культурных практик. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить смысловые концепты, которые служат источником формирования этнокультурной идентичности калмыков. По мнению автора, основу социокультурных практик калмыков прошлого и настоящего составляют мифы, хранящие в себе коды социального опыта. Анализ мифа позволит расшифровать культурный код современных калмыков, возможность прочтения которого имеет важность в этнокультурном плане. Для этого следует подробнее рассмотреть условия появления ключевых мифов культуры калмыков в их историческом преломлении.

На рисунке 1 приведена схема развития ойратского мифа, объяснение которой составляет содержание настоящей статьи.

Трансформация мифа

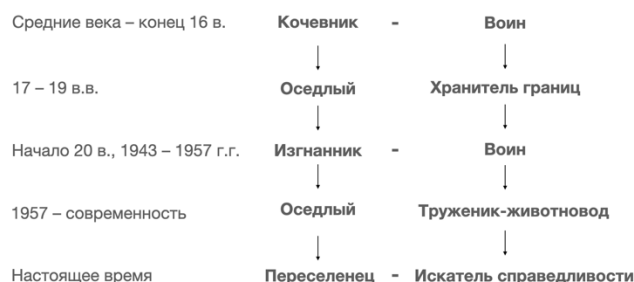

Рис.1. Трансформация ойратского мифа.

Рождение первого мифа. Появление калмыков как этноса связано с приходом в XVII в. в российские земли группы ойратов – этнополитического союза родоплеменных объединений. Причины этого события получили две прямо противоположные трактовки, среди которых могут быть выделены: версия российского историка XIX в. С. М. Соловьева о том, что ойраты были последними представителями завоевательского замысла Чингис-хана, для его воплощения прибывшими из Центральной Азии «в европейские пределы»¹; и версия советского историка Н. Н. Пальмова, объяснившего приход калмыков в астраханские степи «как результат естественного стремления»², вызванного ростом населения в условиях ограниченности земель, пригодных для скотоводства как основ-

¹ Соловьев, С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 9. История России с древнейших времен. Т.17–18 / С. М. Соловьев; отв. ред. Н.А. Иванов – Москва: Голос; Колокол-Пресс, 1998. – 708 с. URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/18_01.html (дата обращения: 30.01.2023).

² Пальмов, Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России / Н. Н. Пальмов; – 2-е изд. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. – С. 31.

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

ной хозяйственной деятельности, с вытекающим из этого ростом потребности в новых пастбищах. Изначальная идея, на первый взгляд, справедливого разделения благ, согласно которой лидер объединения «должен был выделить каждому сыну в качестве его доли в наследстве определенное количество кибиток»³, вылилась в попытке передела полученных ресурсов в череду междоусобных и внешних столкновений с другими кочевыми народами, ослабившую позиции ойратов в Центральной и Западной Монголии. В поисках своего места ойраты продолжили двигаться в северо-западном направлении, вступив в Западную Сибирь.

Симбиоз социальных и хозяйственных условий породил первый ойратский миф – о «Воине-кочевнике», сочетающем в себе две определяющих ипостаси, отраженные в дуальном характере названия мифа: с одной стороны, ойрат осознавал себя частью природы и был способен жить в гармонии с ней, а с другой, – был готов отвоевать своё место в мире. Главным источником первого мифа стал героический эпос «Джангар»: главные герои сказания – богатыри, чьи состязания и битвы, а также проявленные личные качества, позволяющие одержать победу в бою, занимают центральное место в сюжете. «Эстетику богатырства», по выражению Е. М. Мелетинского, сформировали «разложение родового строя у предков нынешних тюрко-монгольских народов и осознание роли личной инициативы, смелости, силы и ловкости в обстановке непрерывных военных столкновений, набегов, завоеваний, организа-

ции военно-племенных союзов»⁴. Миф о «Воине-Кочевнике» лёг в основу представлений ойратов о собственной идентичности. Воинский дух воплотился в слове, которое справедливо может быть отнесено к рангу первопонятий, выделяемых М. Н. Эпштейном⁵, – «Баатр» (Богатырь); лексема прочно закрепилась в культурном коде потомков ойратов через богатырские сказки и обретение статуса одного из самых распространённых имен⁶. Последующие преобразования этого первоначального мифа, обусловленные внешнеполитическими и религиозными трансформациями, влияли только на одну из составляющих дуального по своей структуре мифа, но никогда не отменяли обе компоненты, оставляя возможность для обращения потомков ойратов к образам прошлого в процессе осмысления себя в пространстве других культур.

Первое превращение мифа. Прибытие воинственных кочевников на территорию Московского государства в XVII в. и последующее установление дипломатических отношений фундаментализировались обоюдной заинтересованностью во взаимном сотрудничестве: в обмен на защиту сибирских границ ойраты получали искомую свободу беспрепятственных кочевий. Так воинственный дух ойратов был поставлен на службу государственным интересам. Эти события сигнализировали о первых сдвигах в структуре ой-

³ Тепкеев, В. Т. Ойраты в начале XVII века / В. Т. Тепкеев; отв. ред. Команджаев А. Н. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – С. 30.

⁴ Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники: научное изд. / Е. М. Мелетинский; отв.ред.: В. М. Жирмунский; РАН, отд. филолог. наук, Ин.-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – 2-е изд., испр. – Москва: Восточная литература, 2004. – С. 340.

⁵ Эпштейн, М. Н. Первопонятия. Ключи к культурному коду. – Москва: КоЛибри, 2022. – 720 с.

⁶ Монраев, М. У. Калмыцкие личные имена (семантика) / М. У. Монраев; под ред. Н. Б. Менкеева; – [Изд. 3-е, перераб. и доп.]. – На рус. и калм. яз. – Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2012. – С. 29.

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

ратского мифа, а именно: роль «Воина» трансформировалась в роль «Хранителя» и «Защитника границ».

В первой трети XVII в. ойраты в результате одобренного перемещения вдоль приграничных территорий, прикочевали в степи на севере Прикаспия, обладавшие рядом привлекательных достоинств: близостью торговых путей, обширными пастбищами и теплым климатом. Однако заручиться поддержкой властей в части легитимации и последующего обоснования в новых землях в низовьях Волги, ойраты смогли только во второй половине XVII в., когда потребовалась их защитная функция в борьбе с Крымским ханством на юге. Приняв на себя обязательства по обороне новых выделенных земель, ойраты оказались в территориальном и культурном анклав, получившем название – Калмыцкое ханство, в рамках которого ойратам впервые стал доступен оседлый образ жизни. Таким образом, изменению подверглась и вторая часть первого мифа: на место «Кочевника» постепенно стал заступать оседлый, проживающий на одном месте арат. Первое превращение мифа предложило ойратам новую формулу освоения своего положения в виде мифа «Оседлого хранителя границ».

Стоит отметить важное значение в культуре ойратов этого периода буддизма (традиции Гелуг), ключевые принципы которого (отказ от насилия над живыми существами, лжи и действий, обусловленных негативными намерениями), не только стали первой объективацией морально-этических норм, но и, благодаря своей практической направленности, постепенно интегрировались в правовую систему ойратского социума через свод монголо-ойратских законов «Цааджин-Бичик» (1640 г.), вследствие чего «буддийские нормы стали выполнять роль ре-

гулятора общественных отношений»⁷, способствуя умиротворению последних. Существенным фактором, дающим основание говорить о просветительском эффекте буддизма, предопределившем одну из главных черт культурного кода этноса – тягу к знаниям (как освоение от неведения – источника всех страданий), стало появление собственной ойратской системы письменности (Тодобичиг), созданной в 1648 г. буддийским монахом Зая-Пандитой, сохранившейся и сегодня. Таким образом, буддизм предоставил возможность перехода ойратов от стратегии захватнического выживания к постоянству самосовершенствования, придав ценность смыслу внешней статичности, за которой сокрыта подлинное действие, разворачивающее человека в сторону созерцательного существования, символической квинтэссенцией которого является образ Гаутамы (Будды), обретшего просветление, пребывая в неподвижном состоянии.

Также следует проанализировать термин «Калмыцкое ханство», остановившись на заложенных в нем смыслах. Примечательно, что именование «калмыки» – не собственное для ойратов, поскольку в монгольской группе языков слова с таким корнем нет. Исследователи единодушно усматривают его происхождение от татарского слова, означающего «оставшиеся», однако в трактовке причин такого обозначения существует несколько версий, наделяющих его смыслом «отделившиеся»: в смысле отделившиеся от монголов, а также в смысле отделившиеся в результате принятия буддизма,

⁷ Ulanov, M. S. Buddhism and Kalmyk secular law in the seventeenth to nineteenth centuries / M. S. Ulanov, V. N. Badmaev, E. C. Holland – DOI 10.1163/22105018-12340092 // Inner Asia. – 2017. – №.19. – С. 297–314. – URL: https://www.researchgate.net/publication/320552593_Buddhism_and_Kalmyk_Secular_Law_in_the_Seventeenth_to_Nineteenth_Centuries (дата обращения: 27.01.2023). – С. 310.

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

сменившего культ тенгри, исповедуемый тюрко-монгольскими кочевыми племенами. Что касается статуса «ханства», то он стал одним из элементов символического контроля государственной властью процессов внутри выделенной в нем территории. Власти «взяли процесс возведения правителей калмыков под свой контроль и даже ввели для них новый титул – «наместник», более низкий, чем хан. Разница между этими титулами была только морально-психологической»⁸. Несмотря на то, что титул хана в среде ойратских правителей изначально не был чем-то наследуемым, получаемым по умолчанию, а даровался Далай-ламой (религиозным лидером буддистов) на протяжении второй половины XVII в., тот факт, что он использовался с начала XVIII в. Российской империей в качестве поощрения за боевые заслуги, то есть как инструмент управления, символизирующего правомочность вмешательства в уклад ойратов, вызывал недовольство у значительной части знати Калмыцкого ханства. Это обстоятельство стало одним из катализаторов масштабного события в истории калмыцкого народа, когда в 1771 г. из 41,5 тысяч кибиток свыше 30 тысяч⁹ покинули пределы империи, устремившись на территорию созданного другой группой ойратов в Центральной Азии Джунгарского ханства. Однако, путь на историческую родину оказался настолько ресурсозатратным, что до намеченной цели добрались менее 50%

покинувших волжские степи, остальная часть пала в боях, или от болезней и голода. Небольшая часть выживших вернулась на восток, но настоящим возвращением их приход не стал, поскольку вместо Джунгарии их встретила уничтожившая последнюю Цинская власть. Гибель группы ойратского этноса, предпринявшей попытку вернуться в прежние места, ознаменовала собой своего рода невозможность возврата к прежней жизни. Смерть физическая совпала со смертью символической. Путь к мифу о «Воине-кочевнике» был закрыт.

Оставшиеся в Калмыцком ханстве ойраты стали называть себя калмыками. Часть калмыков, поселившихся в районе реки Дон, получила статус казачьих войск, чьей основной задачей была военная служба и охрана южных границ.

Второе превращение мифа. Религиозная сфера жизни калмыков оставалась вне зоны контроля государства вплоть до начала XIX в., когда власти усмотрели прямую зависимость между ростом количества калмыцких священнослужителей и сокращением калмыков-военных, после чего были введены количественные ограничения состава калмыцкого духовенства. Потрясения, которые принесли Октябрьская революция и Гражданская война, нанесли серьезный урон калмыцкой буддийской традиции: хурулы были разрушены, священнослужители, являвшиеся хранителями знаний о смыслах и процедурах буддийских обрядов, были вынуждены эмигрировать. Часть донских калмыков вновь последовала практике откочевки и эмигрировала на Запад, основав диаспору калмыков в США, существующую по сей день. Вынужденная эмиграция калмыков в начале XX в. ознаменовала начало разрушения мифа «Оседлого хранителя границ», став провозвестником появления нового культурного

71

⁸ Очиров, У. Б. Джунгарское ханство, которое было ханством: критика одной статьи Дзюнка Мияваки / У. Б. Очиров. DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-135-145 // Вестник КИГИ РАН. – 2016. – № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhungarskoe-hanstvo-kotoroe-bylo-hanstvom-kritika-odnoy-stati-dzyunko-miyavaki> (дата обращения: 31.01.2023). – С. 138.

⁹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. / редкол. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова, С. С. Белоусов и др.; – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – С. 431.

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

опыта в истории калмыцкого этноса, оформившегося в качестве мифа об «Изгнаннике».

В годы Великой Отечественной Войны оставшиеся калмыки сражались в рядах Красной армии, в эти годы калмыцким сержантом была создана песня «Нюдля», ставшая особой ценностью калмыцкой культуры, самым проникновенным элементом культурного кода калмыков, объединяющим не только через континенты (о чем свидетельствует отождествление американскими калмыками песни с «голосом Родины»¹⁰), но и сквозь время (песня «Нюдля» являлась самой известной калмыцкой песней среди молодежи Калмыкии, согласно опросу ВЦИОМ 2004 г.¹¹).

В ходе Великой Отечественной Войны калмыки участвовали в том числе в освобождении городов Ставропольского края, Ростовской области, но территория Республики Калмыкия попала под оккупацию, после освобождения от которой в декабре 1943 г. Калмыцкая АССР была упразднена, а калмыцкий народ был обвинен в пособничестве оккупантам и массово депортирован в Сибирь и Казахстан. Часть высланных погибла в тринадцатидневном пути в неотапливаемых товарных вагонах от холода и голода. Тем, кому удалось выжить после пытки зимней дорогой, предстояло встретить помимо

сурового климата не менее жесткое неприятие со стороны местных жителей, получивших известие о том, что к ним везут предателей. Не менее драматичным оказывалось и положение калмыцких солдат, жертвовавших собой на полях сражений и несмотря на это объявленных врагами народа. В условиях жесточайшей деструкции формы ставшей привычной оседлой жизни, произошел окончательный распад второго мифа и ему на смену пришел миф о «Воине-изгнаннике»¹².

Ссылка калмыков продлилась 13 лет и привела к гибели части калмыцкого этноса, что не могло не сказаться негативным образом на сохранности культуры и языка. Одним из наиболее печальных отголосков этого трагического периода в жизни калмыцкого народа является тот факт, что калмыцкий язык, согласно «Атласу языков, находящихся под угрозой исчезновения», отнесен в 2010 г. ЮНЕСКО к категории «определенно находящийся под угрозой» (definitely endangered)¹³, присваиваемой в случае, если дети больше не говорят на родном языке дома. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 г., калмыками себя определили 179,5 тыс. человек, при этом калмыцкий язык считают родным около 166 тыс. человек, однако владеют им только 107 тыс., а

72

¹⁰ Бакаева, Э. П. Расширяющееся культурное пространство: пример калмыцкой диаспоры (буддизм и идентичность, миграции и современные технологии) / Э. П. Бакаева. DOI: 10.25178/nit.2019.3.10. // Новые исследования Тувы. – 2019. – №3. – С. 116–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshiryayuscheesya-kulturnoe-prostranstvo-primer-kalmytskoi-diaspory-buddizm-i-identichnost-migratsii-i-sovremennye-tehnologii> (дата обращения: 01.02.2023). – С. 120.

¹¹ Нуксунова, А. М. Культурная идентичность калмыцкой молодежи / А. М. Нуксунова. – Текст: электронный // Мониторинг. – 2007. – № 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-kalmytskoy-molodezhi> (дата обращения: 01.02.2023). – С. 151.

¹² Образ воина-изгнанника, мужественно участвовавшего в ключевых сражениях за освобождение родной земли (в Сталинградской битве, битве на Курской дуге (включая танковое сражение под Прохоровкой)), комиссованного со службы из-за полученных ранений и потерявшего свою семью, растворенную в ссылке – не выдуманный сюжет, а основан на жизни и воспоминаниях ветерана ВОВ Манджиева О.Е., дедушки автора.

¹³ Языки под угрозой исчезновения»: проект: [сайт]. – Гонолулу. – URL: <https://endangeredlanguages.com/lang/3260> (дата обращения: 01.02.2023).

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

фактически используют в повседневном общении не более 100 тыс. человек¹⁴.

Попытка реверсии. В 1957 г. советская власть восстановила Калмыцкую АССР и разрешила калмыкам вернуться из изгнания в поволжские степи. Калмыки возобновили практику оседлого животноводства, в то же время пытаясь воссоздать утерянные традиции. Одним из таких способов возрождения родной культуры стала публикация в калмыцкой газете «Хальмг унн» пословиц¹⁵ из практически утерянного народного фольклора: обращение на страницах газеты к широкому кругу читателей, которые получали возможность соприкоснуться через емкие образы лаконичных высказываний с вербализованной формой мудрости своего народа, как с источником духовных сил, необходимых для возрождения культурного самосознания калмыков, обладало терапевтическим эффектом. Приведем несколько калмыцких пословиц, демонстрирующих размышления калмыков о понятиях добра и зла, об уме и духовной силе человека¹⁶:

Бат уя алдрдг уга, Крепкая завязка не развяжется,

Батин ээж уульдг уга. Стойкая мать не плачет.

Хар санан бийэн бардг, Злые намерения губят самого себя,

Хамута мөрн ижлэн бардг. Чесоточная лошадь губит весь табун.

Хатуг жөөлн эдлдг. Жестокость отступает перед добром.

Ухата күн сандг, Умный думает,
Урн күн кедг. Умелый делает.

Депортационные годы оказали опустошительный эффект на культурную идентичность калмыков, которая базировалась на образе отважного и ловкого воина, способного самостоятельно определять своё место в мире. Реконструкция собственной идентичности стала вызовом для переживших годы ссылки. Краткий в историческом масштабе период главенства неудобного в новых обстоятельствах мирного времени мифа о «Воине-изгнаннике» подошел к концу. Реалии советской экономики предложили перезапустить второй миф об оседлости калмыков в качестве «Оседлого труженика-животновода». В контексте третьего мифа калмыки пребывали до распада СССР, а для части этноса, проживающего вдали от республиканской столицы, миф продолжает существовать и по настоящее время.

Редизайн корневого мифа. С наступлением миллениума всё более заметной становилась тенденция, свидетельствующая об изживании мифа об оседлом труженике сельского хозяйства. В качестве главного маркера этой тенденции отмечается стремление современных калмыков получить образование в вузах наиболее благосостоятельных регионов. Этот феномен является культурно-симптоматическим свидетельством стремления преодолеть образо-

¹⁴ Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – Москва. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul# (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁵ Долеева, А. О. Калмыцкие пословицы на страницах газеты «Хальмг унн» за 1959 г. / А. О. Долеева. – DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-147-167 // Бюллетень КалмНИЦ РАН. – 2019. – № 3. – С. 147-167. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalmytskie-poslovitsy-na-stranitsah-gazety-halmg-nn-za-1959-g> (дата обращения: 01.02.2023).

¹⁶ Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер. Б. Х. Тодаевой; редкол. Г. Ц. Пюрбеев, Н. Г. Очирова, Э. У. Омакаева и др. – Элиста: АПП Джангар, 2007. – 839 с.

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

вавшийся разлом между миром региональной традиции, с её мифом труженика-животновода, и миром, открывающим возможность самостоятельного конструирования своей реальности, в том числе авторского дизайна мифа, или же, отказ от образов мифа и переход к логосу. Ощущение разлома укрепляет, по выражению Г. В. Драча, «непреодоленное двуязычие культуры: традиционные ценности, традиционные установки со всеми вытекающими социальными реалиями, и, с другой стороны, язык науки, язык образования»¹⁷.

Стремление калмыцкой молодежи получить образование в учебных заведениях, занимающих первые строки в рейтинге российских вузов, во многом продиктовано взрожденным буддизмом пиететом калмыков перед знаниями. Уважительное отношение к знаниям, заменившим сегодня ценность физической силы богатырей прежних мифов, нашло отражение в калмыцких пословицах:

Чидтэ болхла — негиг диилдг, Если силен — одного одолеешь,
Сурульта болхла — олыг диилдг. Если учён — то многих одолеешь.

Чидл чилдг, медрл чилдго. Силы кончаются, а знания бесконечны.

Однако, что именно заставляет калмыков на протяжении двух десятков лет^{18 19} покидать

¹⁷ Драч, Г. В. Социальная креативность культуры // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – №4 (17). – С. 60.

¹⁸ Баранова, В. В. Невидимая миграция: путешествие из Калмыкии в Москву. DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-89-97 // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – № 2. – С. 89–97. – URL: <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view/108/109> (дата обращения: 03.02.2023).

¹⁹ Управление Федеральной службы государственной статистики по Астраханской области и Республике Калмыкия: официальный сайт. – Астрахань. URL: <https://astratstat.gks.ru/storage/mediabank/Число%20прибывших,%20выбывших,%20миграционный%20прирост%202022год.xls> (дата обращения 03.02.2022).

пределы своего региона и регионального сознания? По мнению автора, корневой причиной миграции из республики, является переход к новой форме мифа – поиску справедливости.

Мотив поиска, подразумевающего перемещение, фундирован традицией кочевничества в поисках лучшего места для жизни. Речь идет не только о межрегиональной учебной и трудовой миграции, при которой культурное пространство претерпевает изменение на относительно короткие периоды, но и о трансконтинентальной миграции на более длительный период, то есть о невозвратном переселении.

Справедливость в данном случае следует понимать как комплексное явление: 1) как доступность справедливого вознаграждения труда, достойного уровня медицинского обслуживания, перспектива профессиональной реализации внутри данной социальной группы; 2) как чувство справедливости, сложившееся под влиянием ключевых событий в истории этноса и выступающее мерилем степени справедливости, проявляемой в отношении к этносу. Отсутствие заинтересованности власти в развитии региона, и, как результат, невозможность улучшения уровня жизни в условиях финансовой зависимости от центра, формирует понимание о несправедливом устройстве жизни именно в пределах региона. Следствием такого понимания становится поиск справедливости в экономически более благополучных частях страны, что дает основания выдвинуть гипотезу о редизайне первичного мифа о кочевнике, его превращение в миф о «Переселенце-искателе справедливости».

Заключение. Подводя итог проведенному анализу трансформации культурного мифа

<https://astratstat.gks.ru/storage/mediabank/Число%20прибывших,%20выбывших,%20миграционный%20прирост%202022год.xls> (дата обращения 03.02.2022).

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

ойратов о «Воине-Кочевнике» как центральном концепте этнокультурной идентичности наследников ойратов – современных калмыков, остается сказать о весомой роли буддизма в появлении современной формы мифа калмыцкого этноса. Образование, полученное за пределами республики, становится символическим пропуском для калмыков в область справедливости как равенства в правах на доступ к социальным благам. Идею о том, что образование несет равенство также высказал Далай-Лама XIV в ходе своего выступления в 2017 г. в Индии, посвященного теме социальной справедливости²⁰. При этом идея установления справедливости в регионе насильственными методами неприемлема для современной калмыцкой культуры, подпитываемой двумя фундаментальными идеями буддийского учения: о действии или деятельности (карма) и о сострадании (каруна). Учение о карме истолковывается как идея о справедливом воздаянии за неблагие и благие (то есть мотивированные состраданием ко всем живым существам) поступки. Именно поэтому в образе современного калмыцкого мифа не воспроизводится изначальный заряд воинственности: «Деятельность» в качестве категории буддийской культуры приоткрывает нам истоки господствующей в этой культуре установки на социальный мир, истоки принципиального неприятия насильственной борьбы за социальную справедливость»²¹. Овладение профессиональными знаниями через образование и постижение смыслов новых культурных

кодов в процессе основного обучения уравнивает мигрирующих представителей калмыцкого этноса в правах с местными жителями, легитимируя дальнейшее пребывание кочевников в выбранном культурном пространстве. Влияние, которое окажет подобная диффузия культур на миф российских ойратов, нам предстоит увидеть.

Список литературы

Соловьев, С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 9. История России с древнейших времен. Т.17–18 / С. М. Соловьев; отв. ред. Н.А. Иванов. – М.: Голос; Колокол-Пресс, 1998. – 708 с. URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/18_01.html (дата обращения: 30.01.2023).

Пальмов, Н. Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России / Н. Н. Пальмов; – 2-е изд. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. – 159 с.

Тепкеев, В. Т. Ойраты в начале XVII века / В. Т. Тепкеев; отв. ред. Команджаев А. Н. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – 198 с.

Бичеев, Б. А. О религиозных представлениях древних тюрков и монголов / Бичеев, Б. А., Кукеев, А. Г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Т. 4. – 2011. – № 2. – С. 75–77. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-religioznyh-predstavleniyah-drevnih-tyurkov-i-mongolov> (дата обращения: 30.01.2023).

Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники: научное изд. / Е. М. Мелетинский; отв. ред.: В. М. Жирмунский; РАН, отд. филолог. наук, Ин.-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – 2-е изд., испр. – М.: Восточная литература, 2004. – 462 с. – (Исследования по фольклору и мифологии Востока: осн. в 1969 г.).

Эпштейн, М. Н. Первопонятия. Ключи к культурному коду. – М.: КоЛибри, 2022. – 720 с.

Монраев, М. У. Калмыцкие личные имена (семантика) / М. У. Монраев; под ред. Н. Б. Менкеева; – [Изд. 3-е, перераб. и доп.]. – На рус. и калм. яз. –

²⁰ Его Святейшество Далай-лама XIV: официальный сайт. – Дхарамсала. – URL: <https://dalailama.ru/news/3331-dalailama-news.html> (дата обращения: 03.02.2023).

²¹ Введение в буддизм / редактор-составитель В.И. Рудой; авторский коллектив: В. И. Рудой, Е. П. Островская, А. Б. Островский и др. – СПб: Издательство «Лань», 1999. – 384 с. (Серия «Мир культуры, истории и философии»). – С. 78-79.

Баина Дорджиевна ЭРДНИЕВА

| Культурные мифы ойратов в прошлом и настоящем |

Элиста: АУ РК «Издательский Дом «Герел», 2012. – 255 с.

Ulanov, M. S. Buddhism and Kalmyk secular law in the seventeenth to nineteenth centuries / M. S. Ulanov, V. N. Badmaev, E. C. Holland – DOI 10.1163/22105018-12340092 // Inner Asia. – 2017. – № 19. – с. 297–314. – URL: https://www.researchgate.net/publication/320552593_Buddhism_and_Kalmyk_Secular_Law_in_the_Seventeenth_to_Nineteenth_Centuries (дата обращения: 27.01.2023).

Очиров, У. Б. Джунгарское ханство, которое было ханством: критика одной статьи Дзюнка Мияваки. DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-135-145 // Вестник КИГИ РАН. – 2016. – № 6. – С. 135–145. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhungarskoe-hanstvo-kotoroe-bylo-hanstvom-kritika-odnoy-stati-dzyunko-miyavaki> (дата обращения: 31.01.2023).

Бакаева, Э. П. Расширяющееся культурное пространство: пример калмыцкой диаспоры (буддизм и идентичность, миграции и современные технологии) DOI: 10.25178/nit.2019.3.10 // Новые исследования Тувы. – 2019. – № 3. – С. 116–134. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshiryayuscheesya-kulturnoe-prostranstvo-primer-kalmytskoi-diaspory-buddizm-i-identichnost-migratsii-i-sovremennye-tehnologii> (дата обращения: 01.02.2023).

Нуксунова, А. М. Культурная идентичность калмыцкой молодежи // Мониторинг. – 2007. – № 4 (84) – С. 149–153.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-kalmytskoj-molodezhi> (дата обращения: 01.02.2023).

Долеева, А. О. Калмыцкие пословицы на страницах газеты «Хальмг унн» за 1959 г. / А. О. Долеева // Бюллетень КалмНИЦ РАН. – 2019. – № 3. – С. 147–167. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kalmytskie-poslovitsyna-stranitsah-gazety-halmg-unn-za-1959-g> (дата обращения: 01.02.2023).

Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер. Б. Х. Тодаевой; редкол. Г. Ц. Пюрбеев, Н. Г. Очирова, Э. У. Омакаева и др. – Элиста: АПП Джангар, 2007. – 839 с.

Драч, Г. В. Социальная креативность культуры // Международный журнал исследований культуры. – 2014. – № 4 (17). – С. 53–64.

Баранова, В. В. Невидимая миграция: путешествие из Калмыкии в Москву DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-89-97 // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – № 2. – С. 89–97. – URL: <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view/108/109> (дата обращения: 03.02.2023).

Введение в буддизм / редактор-составитель В. И. Рудой; авторский коллектив: В. И. Рудой, Е. П. Островская, А. Б. Островский и др. – СПб: Издательство «Лань», 1999. – 384 с. (Серия «Мир культуры, истории и философии»). – ISBN 5-8114-0103-5.

Baina D. ERDNIEVA

| Cultural Myths of the Oirats in the Past and Present |**Baina D. ERDNIEVA**

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
 11, st. Pushkin, Elista, 358000 Russian Federation
 Research Engineer of the Scientific Laboratory "Comprehensive Buddhist Studies"
 Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Culturology
 ORCID: 0000-0003-3553-9754
 E-mail: baina.erdnieva@icloud.com

CULTURAL MYTHS OF THE OIRATS IN THE PAST AND PRESENT

The article examines the transformation of the myth of the Oirat culture about the "nomad warrior" into the myth of the "immigrant-seeker of justice", reproduced by the culture of the modern heirs of the Oirats - the Kalmyks and which is part of the national identity of the Kalmyk ethnos. Understanding the life of the Kalmyk ethnos through the prism of historical events that directly influenced the image of the people, their culture and lived experience, allows us to single out periods that have a constitutive influence in the formation of the ethno-cultural and regional identity of the Kalmyks: 1) the period preceding the settlement of the Oirats in the European part of Russia (before XVII century); 2) the period of development of a new settled way of life in the conditions of the Kalmyk Khanate in the second half of the 17th-19th centuries; 3) deportation of the Kalmyk people to Siberia and Central Asia in 1943, followed by rehabilitation and return in 1957; 4) the period of restoration of the ethnos, including the reconstruction of culture; 5) modern period.

Within the framework of this study, the fundamental phenomena of the culture of the Kalmyk ethnos (religious attitudes, folklore images, traditional way of life) during the selected periods were considered, which made it possible to put forward a hypothesis about the central myth of the Kalmyk culture and its transformations:

1) The first stage of the Oirat culture corresponded to the primacy of the myth "Nomad Warrior";

2) The second stage, originating from such defining events as the adoption of Buddhism as a religion and the foundation of national statehood, marked a change in the cultural paradigm, consisting in the transitions: from the Tengri cult to Buddhism, from migration to settled life, from the East to Europe; and demonstrated the first transformation of the myth "Warrior-Nomad" into the myth "Sedentary Keeper of the borders".

3) The third stage was realized at the moment of the collision of the Kalmyk people with deportation and its catastrophic consequences in the 20th century. at the end of the Great Patriotic War: a significant reduction in numbers, a psychological breakdown and, as a result, a crisis of cultural heritage and one's own identity led to a new modification of the Kalmyk myth in the form of the "Warrior-Exile".

4) The fourth stage covers the period from repatriation to the present. The return of the Kalmyks to the Volga steppes after rehabilitation by the authorities in the second half of the 20th century. led to the reconstruction of the myth of the "Sedentary Toiler-cattleman".

5) The fifth stage is partially parallel to the fourth, includes modernity. Under the new conditions, the Kalmyks find themselves at a crossroads: to continue reproducing the myth of the fourth stage, or to create their own. The new myth of the "Migrant-Seeker of Justice" appears.

Key words: cultural myth, cultural code, justice, Oirats, Kalmyks, Buddhism, nomads, ethno-cultural identity of the Kalmyks, regional identity of the Kalmyks.

Baina D. ERDNIEVA

| Cultural Myths of the Oirats in the Past and Present |

References

Solovyov, S. M. (1998). *Works: In 18 books. Book 9. History of Russia since ancient times. B. 17–18*. Moscow: Voice, Kolokol Press. (in Russian)

Palmov N. N. (1992). *Essay on the history of the Kalmyk people during his stay within Russia*. Elista: Kalm. book. publishing house. (in Russian)

Tepkeev, V. T. (2015). *Oirats at the beginning of the 17th century*. Elista: KIGI RAN. (in Russian)

Bicheev, B. A. & Kukeev, A. G. (2011). On the religious ideas of the ancient Turks and Mongols. *Vestnik Kalmyt'skogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ RAN (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences)*, 4(2), 75–77. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-religioznyh-predstavleniyah-drevnih-tyurkov-i-mongolov> (in Russian)

Meletinsky, E. M. (2004). *The origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments*. Moscow: Eastern Literature. (in Russian)

Epshtein, M. N. (2022). *First concepts. Keys to the cultural code*. Moscow: Hummingbird. (in Russian)

Monraev, M. U. (2012). *Kalmyk personal names (semantics)*. Elista: AU RK Publishing House Gerel. (in Russian)

Ulanov, M. S., Badmaev, V. N., & Holland, E. C. (2017). Buddhism and Kalmyk Secular Law in the Seventeenth to Nineteenth Centuries. *Inner Asia*, 19(2), 297–314. doi: 10.1163/22105018-12340092.

Ochirov, U. B. (2016). The Dzungar Khanate, which was a Khanate: criticism of one article by Junko Miyawaki. *Vestnik KIGI RAN (Bulletin of KIGI RAS)*, 6, 135–145. <https://cyberleninka.ru/article/n/dzhungarskoe-hanstvo-kotoroe-bylo-hanstvom-kritika-odnoy-stati-dzyunko-miyavaki> (in Russian)

Bakaeva, E. P. (2019). Expanding cultural space: an example of the Kalmyk diaspora (Buddhism and identity, migration and modern technologies). *Novye issledovaniia Tuvy (New studies of Tuva)*, 3, 116–134. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshiryayuschees-ya-kulturnoe-prostranstvo-primer-kalmytskoi-diaspory-buddizm-i-identichnost-migratsii-i-sovremennye-tehnologii> (in Russian)

Nuksunova, A. M. (2007). Cultural identity of the Kalmyk youth. *Monitoring (Monitoring)*, 4 (84), 149–153. <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-kalmytskoy-molodezhi> (in Russian)

Doleeva, A. O. (2019). Kalmyk proverbs on the pages of the newspaper "Khalmg ynn" for 1959. *Bulletin of KalmNTs RAS (Biulleten' KalmNTS RAN)*, 3, 147–167 <https://cyberleninka.ru/article/n/kalmytskie-poslovitsy-na-stranitsah-gazety-halmg-nn-za-1959-g> (in Russian)

Todayeva B. Kh. (Comp. and tr.). (2007). *Proverbs, sayings and riddles of the Kalmyks of Russia and the Oirats of China*. Elista: APP Dzhangar. (in Russian)

Drach, G. V. (2014). Social creativity of culture. *International Journal of Cultural Studies (Mezhdunarodnyĭ zhurnal issledovaniĭ kul'tury)*, 4(17), 53–64 (in Russian)

Baranova, V. V. (2016). Invisible migration: a journey from Kalmykia to Moscow. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences (Vestnik Kalmyt'skogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ RAN)*, 2, 89–97. <https://kigiran.elpub.ru/jour/article/view/108/109> (in Russian)

Rudoy V. I. (Ed). (1999). *Introduction to Buddhism*. St. Petersburg: Publishing House Lan. (in Russian).

